

Татьяна Крылова

Детективные рассказы

16+

Татьяна Петровна Крылова

Детективные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51372451

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-99848-3

Аннотация

Татьяна Крылова – современная российская писательница, автор произведений крупной и малой прозы разных жанров. В настоящий сборник вошли детективные рассказы разных лет, написанные для литературных конкурсов. Представленные в сборнике рассказы занимали призовые места, были опубликованы на литературных площадках и успели полюбить читателей. Рассказ «Украденный «Праздник»» был напечатан в журнале «Смена» в феврале 2020 года.

Содержание

Плохая игра	4
Английский сувенир	43
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна Крылова

Детективные рассказы

Плохая игра

Февраль, 2006 год

Ночь, улица, тусклый свет фонарей. Под ногами лужи, хотя на календаре все еще зима. Со стороны канала дует ледяной ветер. Машин и людей уже не видно. Почти полночь. Но домой спешить не хочется.

Прежде чем мать дозвонилась Колькиным родителям, она раз десять набрала мне. Но я не слышал. Монтировали с Колькой видео. Сидели в наушниках, не слышали звонков – ничего криминального. Мама, разумеется, думала иначе. Услышав мой голос, долго ругалась. Потом потребовала немедленно идти домой. Сказала, что мне сильно повезет, если вернусь раньше бати. А я так не думал. Рука у отца тяжелая, настроение после работы обычно скверное, так что влетит мне по полной программе в любом случае.

Вот и плелся я по набережной, пиная коленом сумку со сменкой. Глазел по сторонам, хотя разглядывать-то особо нечего было. Старые, через один заброшенные дома слева, чугунный ажурный забор в половину человеческого роста справа. За забором речушка, все еще скованная льдом. На

другом берегу – городской парк, мрачный, но такой же безлюдный, как и все вокруг. В общем, обычная улица унылого района на окраине города.

Через пару сотен шагов парк кончился, сменившись серым бетонным забором. За забором в абсолютной темноте возвышались здания бывшего хлебопекарного комбината. Некогда процветающая гордость нашего города, вот уже как два года предприятие было ликвидировано. Изредка любители пощекотать себе нервы организовывали там квесты, но сегодня, судя по тишине, на хлебозаводе никого не было.

Мать не любила, когда я возвращался от Кольки мимо этого бетонного забора. Наверное, ей мерещилось, что в любой момент на меня могут наброситься зомби. Хотя... Вряд ли. Моя мама совсем не верила в зомби. Но по ближайшему мосту через реку ходить запрещала. А я ходил. Потому что влом было идти до следующего, а потом возвращаться почти столько же до поворота на нашу улицу.

Вот и сейчас без малейших угрызений совести я уверенно пошел привычным путем. И вдруг остановился, с интересом разглядывая ее.

Она стояла возле перил почти по центру моста спиной ко мне. Стройная, с длинными, развевающимися светлыми волосами. Поверх воротника черного пальто на шею был намотан длинный шарф крупной вязки. Воображение тут же дорисовало сапоги до колен на высоком узком каблуке. Я опустил взгляд, чтобы подтвердить догадку. И тут же едва слыш-

но ахнул: незнакомка стояла по ту сторону перил.

Пока я топтался на месте, решая, насколько опасно подходить к ней, девушка заметила мое присутствие. Повернула ко мне красивое лицо с тонкими чертами. В уголках ее глаз блестели хрустальные слезинки.

Несколько секунд она безотрывно смотрела на меня, потом моргнула. И словно очнувшись от ночного кошмара. Она выглядела растерянной, будто не понимающей, как оказалась на этом мосту да еще с той стороны.

Стыдливо, как-то виновато пряча глаза, она перелезла обратно на мост. Опустив подбородок в шарф, пробежала мимо меня. Еще некоторое время был слышен стук ее каблучков.

Потом вновь наступила тишина. Лишь ветер завывал, прорываясь сквозь чугунную решетку.

Когда я пришел домой, отец, конечно, уже был там. Взяв для пушего эффекта ремень, он посадил меня на противоположный от себя конец дивана и принялся отчитывать. Но говорить долго ему в этот раз не пришлось. Батя почти сразу заметил, что я не оправдываюсь и вообще веду себя как-то странно. Пришлось соврать, что устал, что глаза болят после монтажа. Рассказывать про девушку на мосту совсем не хотелось.

Испугавшись, не рассказал я никому о нашей встрече и на следующее утро, когда встретил эту девушку вновь. Там же возле моста. Только она не стояла по ту сторону перил. Сло-

манной куклой незнакомка лежала на темном, припорошенном мокрым снегом льду. Возле головы было хорошо заметно большое алое пятно. Мост был оцеплен милицией.

* * *

Май, 2017 год

Самоубийство Яны Подорожной наделало много шума в городе. На историю о несчастной сироте, покончившей с собой, журналисты накинулись, будто свора собак на сахарную кость. Ведь история Яны так удачно совмещала в себе драму жизни и драму смерти. О происшествии сняли добрый десяток репортажей, которые потом часами крутили в новостях по местным каналам, написали все местные газеты. О нем говорили не только старушки у подъездов, но даже Колька – современный и крутой чувак – рассуждал на тему этого происшествия. Про то, что я был свидетелем случившегося, Колька не знал. Не то заставил бы меня давать показания в прямом эфире его интернет-канала.

Мне же совсем не хотелось «светиться». Ведь тогда бы и в милиции узнали о моем существовании. Допросы, показания... Нет, нет, нет! Промолчав в самый первый момент, я уже не мог переселить себя и рассказать, что знал. Я боялся признаться в собственной трусости и больше всего на свете хотел навсегда забыть о той ночи, мосту и девушке на нем. Хотелось забыть ее светлые волосы, развевающиеся от хо-

лодного ветра, ее глаза, полные слез.

Я надеялся, что с годами так и случится, что станет легче. Но ко всему прочему постепенно примешалось еще и чувство вины. Ведь в отличие от остальных, я понимал, что никакого самоубийства не было. Логика подсказывала, что самоубийца не придет той же ночью на то же место второй раз...

– Павел! – я вздрогнул, услышав мамин голос всего в паре шагов от себя. – Зову его, зову. А он уткнулся в свой телефон и ничего не замечает. Ох, Пашка, испортила тебя твоя Москва.

Улыбнулся, убирая смартфон в задний карман джинсов:

– Важное сообщение.

– У тебя все сообщения важные, – улыбнулась в ответ мама. Ласково погладила по плечу: – Обед на столе.

Пришлось сделать над собой усилие и перестать думать о Подорожной. Ни к чему было говорить о ней за семейным обедом. И так вырвался в родные края лишь на недельку: набраться сил перед защитой дипломного проекта. Слишком прилежно отучившись шесть лет по специальности «Журналистика», я, по словам моего руководителя, неприятно смахивал на ботана, а не на специалиста. Мне было необходимо переключиться, и лучшего места, чем родной город, я не мог для этого придумать.

Однако после обеда навязчивые мысли вновь взяли надо мной верх. Убедившись, что родители отдыхают, я достал

со шкафа пыльную папку. Среди прочих газетных вырезок с интересующими меня статьями хранились и те, что касались смерти Подорожной. Десятки интервью с ее старшей сестрой, друзьями семьи, соседями, экспертами, следователями, очевидцами. Одиннадцать лет назад я жадно вчитывался в каждое слово. Черт! Да я выучил эти заметки наизусть и до сих пор помнил их.

Яна Подорожная выросла в неполной семье. Девушку и ее сестру Дарью воспитывала мать. Отец погиб в одной из военных компаний девяностых годов. Все свидетели сходились во мнении, что это была скромная дружная семья. После смерти матери за пару лет до трагических событий опеку над сестрой взяла уже совершеннолетняя к тому времени Дарья Подорожная. В январе, то есть почти за месяц до самоубийства, Яна отметила свое совершеннолетие.

Стерев с папки пыль, я устроился в горизонтальном положении на диване.

Следствием было установлено, что причиной самоубийства стала неразделенная любовь. Яна несколько лет была влюблена в Дмитрия Рогова – сокурсника своей сестры. Они даже встречались некоторое время. Но потом Дмитрий внезапно сделал предложение Дарье. Молодые люди подали заявление в ЗАГС. Однако за неделю до свадьбы Дмитрий Рогов погиб в автомобильной аварии, случившейся во дворе дома невесты. Экспертиза подтвердила, что автомобиль занесло на скользком участке дороги, водитель не справился с

управлением и врезался в фонарный столб. В смерти Рогова Яна винила себя. Утверждала, что перед этим между ними состоялся неприятный разговор и за руль Дмитрий сел весьма возбужденным.

После смерти жениха и сестры, Дарья Подорожная прожила в городе недолго. Приняв предложение немецкого гражданина Генриха Баума, девушка после свадьбы покинула родину. Насколько знали местные сплетники, Дарья Баум через пару месяцев после свадьбы родила сына. Из этого следовал логичный вывод, что отцом ребенка был Дмитрий Рогов.

Через пару часов я проснулся на том же диване, в той же комнате, с той же папкой в обнимку. Однако мысли мои уже шли совсем в ином направлении. Ни к чему было мне прозябать целую неделю без дела, теща рассказами о столичной жизни родителей и всех их любознательных знакомых. Куда полезнее было заняться небольшим расследованием, чтобы раз и навсегда расставить для себя все точки над «i». К тому же мой скромный журналистский опыт подсказывал, что из этого обширного куса прошлого мог получиться неплохой трамплин для моей будущей карьеры.

* * *

Часов в десять на следующий день я стоял возле входа в полицейский архив, вооруженный хорошим настроением и коробкой конфет «Ассорти». Расследование надо было с

чего-то начать. И я решил начать его с ознакомления с материалами дела о самоубийстве Яны Подорожной. Конечно, без определенной кипы бумаг почитать документы мне никто не даст. Даже с учетом статуса «почти журналист». Но ведь можно и не идти официальным путем. Можно же просто забежать на чай к бывшей однокласснице Ленке Сибиряковой, с которой отсидели мы за одной партией последние два школьных года.

– Пашка? Вот так сюрприз! – круглолицая девчушка с конопушками на щеках и курносом носике заметила меня сразу, стоило только поднять руку и помахать коробкой конфет.

Ленка никогда не выглядела на свой возраст. Рыжеволосая, веселая, приятно пышная барышня, она, должно быть, договорилась со Временем о том, что навсегда останется в своих пятнадцати годах. Злые языки говорили, что после родов юность Сибиряковой точно пройдет. Но нет! Даже став матерью двоих непосед, Ленка ничуть не изменилась.

– Привет! А я вот тут к родителям приехал. Подумал, что и с друзьями встретиться надо.

Ленка кинулась меня обнимать. Потом выхватила коробку конфет и, конечно же, предложила зайти к ней на чай.

– У меня все равно никого сегодня. Светик заболела, а Валентина Григорьевна на совещание в Главк укатила.

– Ну, отлично! – отозвался я, думая, что мне, в самом деле, сказочно повезло.

Пока чай остывал, Ленка быстро пересказала последние

новости из жизни наших одноклассников. Кто женился, кто из армии вернулся, кто детей родил, кто новый автомобиль купил, а кто квартиру в ипотеку – в какой-то момент мне начало казаться, что кроме как в жизни моих бывших одноклассников, в городе событий не происходит! В именах я тоже очень скоро запутался, так что стал заметно скучать.

– Ой, ладно, – отмахнулась Ленка от собственных мыслей. – Что я время у тебя отнимаю? Давай, выкладывай, за чем пожаловал.

Чаем я, конечно, поперхнулся. Прокашлялся.

– Так заметно, что по делу? – спросил с надеждой на обратное.

– А то! – усмехнулась Ленка. – Я вашу журналистскую братию за пять лет хорошо изучить успела. Если с коробкой конфет или хотя бы шоколадкой – точно не по душам поболтать.

Пришлось наврать Ленке, что я стажером устроился в одну столичную газету. Что после диплома меня в штат обещали принять, если пару интересных статей принесу. Вот и решил я одну из статей самоубийству Яны Подорожной осветить.

– Неужели в столице такое может кого-нибудь заинтересовать? – удивилась Лена.

– Ну, это зависит от того, как подать материал. Мне кажется, что там не все так просто.

Ленка многозначительно протянула «а-а-а», после чего

положила руку на стол раскрытой ладонью вверх.

– Кхм... Видишь ли, Ленчик, в этом как раз и проблема, – пристально разглядывая пухлые, но ухоженные пальцы, промямлил я. – Документов у меня нет. Я так, по старой дружбе...

Моя собеседница недовольно поджала уголки губ. Скрестив руки на груди, откинулась на спинку стула и с минуту молча разглядывала меня.

– А в десятом классе я тебе окружную контрольную дал списать, – напомнил я.

Ленка не выдержала и рассмеялась. Заявив, что проблемы ей не нужны, отобрала у меня смартфон, после чего велела следовать за ней. Еще минут через пять девушка сняла с полки пыльную картонную папку и кивнула мне на маленький столик в углу комнаты.

– Читай. Если что-то пропадет... – она погрозила пальцем.

– Ленка, я честный журналист! – обиженно ответил я.

Отмахнувшись от меня, девушка поспешила вернуться на рабочее место, где как раз зазвонил телефон. О такой удаче я и мечтать не смел! Не теряя ни секунды, выхватил из кармана второй мобильник и принялся фотографировать материалы дела. Подряд все страницы – кто знает, что могло оказаться действительно важным?

Минут через десять скрипнула дверь и из-за стеллажей послышались Ленкины шаги. Спрятав телефон, я сделал вид,

что внимательно изучаю бумаги. Под руку подвернулся протокол вскрытия, и сам не заметив того, я вчитался в документ. Кое-что было понятно, большая часть – нет. И все же главное я уловил: никаких сомнений в том, что это было самоубийство, у эксперта не было.

* * *

Придя домой, я распечатал материалы. Часть бумаг тут же отправил в черновики. Но кое-что сунул в отдельную папку, чтобы были под рукой во время моих изысканий: протокол вскрытия, распечатку звонков Дарьи Подорожной в ночь самоубийства ее сестры – Яна звонила ей перед смертью, протокол допроса участкового психиатра. Психиатр сообщал, что девушка не состояла на учете, но об отсутствии проблем – например, той же депрессии – это, разумеется, не говорило.

Изучив все и освежив в памяти старые материалы, во второй половине дня я отправился в городской морг. Я решил, что разговор с сотрудником этого учреждения в любом случае не будет лишним. Если мне не скажут ничего про смерть Яны Подорожной, то хотя бы объяснят некоторые термины из протокола. Что, в свою очередь, станет частью моего журналистского опыта.

Меня встретил охранник, недовольно скривившийся при моем появлении на пороге:

– Приемные часы с утра.

От него сильно пахло перегаром. И связываться со мной явно не было никакого желания. Однако после сотни, вложенной в грубую мозолистую ладонь, настроение охранника чуть улучшилось.

– Родственник, так родственник, – пробурчал он. – Третья дверь по коридору.

За дверью обнаружилась небольшая комната, обстановкой более всего напоминавшая гостиную. Мягкий диван, пара кресел, журнальный столик посередине. Возле окна стоял письменный стол, справа от него – холодильник. Также имелась пара шкафов.

На диване лежал, закинув ноги на спинку и уткнувшись в планшет, молодой человек в белом халате. По виду – мой ровесник. Он негромко напевал песню, звучащую в наушниках и, судя по характерным звукам, общался с кем-то через мессенджер. Пришлось подойти к нему совсем вплотную, чтобы обратить на себя внимание.

– Приемные часы уже кончились, – вынув одно ухо, сообщил мне практикант Алексей Романов, как значилось на его бейдже.

– Я знаю. Но я не родственник. Я журналист.

Парень нахмурился, соизволил принять более приличное для разговора с посетителем положение.

– И по какому вы делу?

– По делу Яны Подорожной. Самоубийство.

Романов нахмурился еще больше.

– Нет у нас самоубийц.

– Ее давно похоронили: одиннадцать лет назад.

– А! – заметно расслабился практикант. – Тогда вам к Марку Ивановичу надо. В то время с кадрами туго было: он тут один за всех отдувался.

Видимо сочтя разговор оконченным, Романов принял прежнюю позу и вновь заткнул уши. Пришлось его потревожить еще раз.

– Где мне его найти?

– Через одну дверь – его кабинет. Только подождать немного придется. Он сейчас как раз на вскрытии.

Делать было нечего, и я вышел в коридор. Кажется, мне сегодня снова повезло. Марк Иванович был как раз тем экспертом, который значился в материалах уголовного дела. А значит, я мог узнать чуть больше, чем было написано в протоколе.

Изучая план эвакуации, размещенный в паре метров от двери нужного кабинета, я скоротал полчаса. Наконец, на лестнице, ведущей на второй этаж, появился мужчина в белом халате. Старше меня он был от силы лет на пять. Внешность – самая заурядная: встретишь такого на улице и не подумаешь, чем занимается он на рабочем месте каждый день. А вот взгляд у молодого человека был жесткий. От работы ли или просто работу Марк Иванович выбрал по характеру – оставалось догадываться.

– Вы ко мне?

– Судя по всему – да.

– Проходите, – он пригласил меня в свой кабинет, даже не спрашивая, кто я и зачем. Это было несколько странно. Не мог же он не знать, какая в учреждении охрана? Или Романов уже сообщил ему обо мне?

Кабинет по размеру не отличался от «гостиной». Небольшая комнатка с одним окном. Посередине стоял большой письменный стол. Всю стену за столом занимали шкафы с документами. Возле стены напротив стоял старый очень жесткий на вид диван. Он был отодвинут к стене с окном, так чтобы возле свободного подлокотника поместились еще тумбочка с чайником и стул для посетителей.

Повинуясь жесту, я занял свободный стул. Марк Иванович усмехнулся:

– Двигайтесь ближе. Я не кусаюсь.

Когда я устроился напротив стола, Марк Иванович заварил себе кофе и поинтересовался, что привело меня к нему. Про то, что я журналист, ему действительно сообщил практикант.

– Меня интересует дело Яны Подорожной. Помните такую? Самоубийство. Вы проводили вскрытие...

– Помню, – как-то слишком резко оборвал меня хозяин кабинета. – Давнишнее дело. Почему оно вас вдруг заинтересовало?

– Пишу статью о нем. С виду дело гладкое, но если приглядеться... Не все в нем понятно до конца.

– И что же в нем непонятного?

– Есть основания полагать, что Подорожная покончила с собой «со второй попытки». А это не слишком логичное поведение, насколько я знаю.

– Со второй попытки? – мой собеседник нахмурился, словно пытаюсь понять, шучу я или обновление медицинской терминологии обошло его стороной. – Это как?

– Ну... не совсем по своей воле она прыгнула.

– Хотите сказать, что ее убили? – уточнил Марк Иванович и тут же продолжил, не давая мне даже кивнуть в ответ: – Спешу вас разочаровать. Это было самое классическое самоубийство в моей практике. Падение с высоты. Характер повреждений соответствующий. Никаких намеков на постороннюю помощь.

Его ответ меня разочаровал. В нем не было ни тени сомнения. Получалось, что если посторонний и причастен к смерти девушки, то ничего оригинальнее доведения до самоубийства в этом деле не найти. Раздумывая над тем, какие еще вопросы задать Марку Ивановичу, я принялся невольно изучать глазами его стол. Хотя смотреть было особенно не на что: компьютер, пара простеньких ручек, линейка и несколько толстых медицинских энциклопедий, подпертых с двух сторон половинками носорога. Половинки были размером с мой кулак, металлические и явно тяжелые – иначе они бы просто не смогли удержать книги в вертикальном положении.

Поймав на себе пристальный взгляд хозяина кабинета, я смутился и поспешил сгладить неловкий момент:

– Красивая подставка.

– Подарок одноклассницы.

* * *

На следующее утро мать нашла мне с десяток дел дома, так что расследование пришлось приостановить. Но хотя новых сведений по делу Подорожной я получить не мог, замена сифона под ванной не могла помешать мне подумать над информацией, уже имеющейся в моем распоряжении.

К вечеру я свыкся с мыслью, что Яна совершила самоубийство, хотя и не по собственной воле. А раз так, то обидчика девушки стоило искать среди тех, с кем она особенно плотно общалась и к чьим советам прислушивалась. На основании газетных статей и телевизионных репортажей у меня сложилось впечатление, что Подорожная была не слишком компанейским человеком, и действительно близких друзей у нее не было. Ее родители к тому времени уже умерли. Оставалась только Дарья – старшая сестра и опекун.

Но чем ей была выгодна смерть Яны? Вряд ли Дарья претендовала на наследство, учитывая ее состоявшееся на тот момент знакомство и последующий брак с иностранцем. А может, она устала отвечать за Яну? Тоже глупое предположение. Ведь Подорожной-младшей как раз исполнилось во-

семнадцать незадолго до смерти, так что Дарья больше не должна была заботиться о Яне. Или Яна тоже претендовала на Генриха Баума? Но про немца в контексте причин самоубийства Подорожной-младшей никто из моих коллег даже не заикался.

Я вздохнул. Хорошо бы было пообщаться с человеком, близко знавшим семью Подорожных.

Убирая нож и остатки фум-ленты в отцовский ремчемо-данчик, я все еще размышлял над этим, когда в ванную заглянула мать:

– Закончил уже? Хорошо. Сейчас ужинать будем.

– Что на ужин? – спросил я, чтобы дать ей понять, что услышал.

– Котлеты с пюре и огурчики маринованные. Странно, что ты по запаху не понял. Соседка сверху уже порадовалась за папу. Мол, жена у него рукастая, – не без гордости добавила мама.

– А она откуда знает?

– Дома у нас такие, что соседи все знают, – улыбнулась мать.

Захлопнув крышку чемодана, я подумал, что дом Подорожных строился по тому же типовому проекту. А значит, и у них могла быть такая «соседка сверху», которая все про них знала.

Двор дома, в котором некогда жила семья Подорожных, был таким же, как и сотня других в нашем городе. Две пятиэтажки, башня в двенадцать этажей с дальнего торца и отгороженный узким газоном тротуар вдоль проезжей части. Посередине всего этого богатства располагалась детская площадка. По случаю хорошей погоды во дворе было шумно: лаяли собаки, на площадке бегали школьники лет десяти-двенадцати, игравшие в подобие казаков-разбойников.

– Мертвяк! Мертвяк! – то и дело доносился звонкий детский голосок. Ответом ему служил пронзительный общий визг.

Не в силах сдержать улыбку, я миновал двор и остановился перед третьим подъездом пятого дома. Именно здесь на втором этаже одиннадцать лет назад жили Яна и Дарья Подорожные. Окна двухкомнатной квартиры выходили в сторону подъезда. Сейчас они были чистые, закрытые с внутренней стороны тюлем с мелким рисунком – судя по всему, квартира принадлежала приличным людям.

– Жилье подыскиваешь, милоч? – раздался позади меня хриплый голос.

Я обернулся. Передо мной стояла, опираясь на палочку, старушка лет за много. Эдакий божий одуванчик в вязаной кофточке и цветастом платочке. Смотрела она на меня при-

стально, но настроена была вполне доброжелательно. Во всяком случае, пока я правильно отвечал на вопросы – это я успел понять за время своей пока еще короткой журналистской жизни.

– Нет. Я из газеты «Столичные вести». Пишу статью о старом деле.

Старушка покосилась на окна на втором этаже. Причмокнула, вздохнула, дохромала до лавочки у подъезда и только после этого произнесла:

– Это про самоубийство Яночки Подорожной что ли?

Я кивнул. Стоять не было смысла, так что я устроился рядом со старушкой.

– Столько уже писали о ней. Неужто думаешь, что новое узнаешь?

На вопрос я предпочел не отвечать. Как-то не хотелось волновать эту старушку своими подозрениями.

– Вы знали их? Может, расскажите что-нибудь? – спросил я.

– А что рассказывать-то? Обычная семья. Жили дружно, тихо. Соседи на них не жаловались. После смерти отца тяжело Ирине пришлось с двумя девчонками. Но справилась, вырастила, на ноги поставила старшую. Даша после смерти матери Яне мать и отца заменила: одевала, обувала, воспитывала. Ловко со всем управлялась, хотя бывало, что поутиру с красными глазами на улицу выходила – все же она сама еще ребенком была. Потом замуж удачно вышла, за границу

уехала. Пару раз в год приезжает. Могилы родителей и сестры навестить.

– Вы говорите, приезжает? А когда последний раз была?

– Так еще не уехала.

– То есть она в городе сейчас? – моя везучесть начинала меня пугать.

– Да. Дома она. Тут, – старушка кивнула на подъезд. – В своей квартире. Она ведь ее как однокомнатную сдает, чтобы было, где переночевать, когда сама приезжает.

Я многозначительно хмыкнул. Обычно такая реакция побуждала собеседников продолжать говорить. Старушка не стала исключением.

– Ей продать советовали. А она говорит, мол, денег за нее много не выручишь. Да и не нужны, мол, деньги. Муж достаточно зарабатывает. А так память о родных, свой уголок на родине.

– А еще какие-нибудь «уголки» на родине у нее есть? – между делом поинтересовался я.

Старушка даже засмеялась:

– Откуда? Говорю же, тяжело Ирине – матери их – с двумя девчонками было. После смерти она все продала: и машину мужа, и дачу, и кое-что из имущества. Только эту квартиру и оставила, – старушка вздохнула: – Бедно они жили, но дружно.

– Получается, что же за все время Подорожные между собой ни разу не ссорились?

– Почему же не ссорились? Всякое бывало. И кричали так, что через этаж было слышно.

– А в ночь смерти Яны?

– Ругались, – без колебаний ответила старушка. – У меня бессонница тогда уже была. Так что я хорошо помню, как Яна поздно вернулась домой. За полночь уже было. Она почти бежала через двор. Потом несколько минут тихо было, а потом Дарья бранить ее начала. Но они тогда недолго совсем шумели: пару раз всего друг на друга и крикнули.

– А как Яна выходила из дома, вы видели?

– Нет. Я, как шум прекратился, снотворное выпила и легла.

Старушка замолчала. Я не спешил продолжать разговор. Нужно было сначала разложить всю информацию по полочкам. Хотя ничего особо интересного я не узнал. Только услышал подтверждение своему предположению о скудности наследства. Получалось, что у Дарьи не было причин желать смерти своей сестре.

– Скажите, а у Яны не было проблем с головой? – поинтересовался я. Ведь если девушку доводили до самоубийства, то внимательные окружающие не могли не заметить необъяснимых перемен в ее поведении.

Старушка посмотрела на меня менее приветливо, чем прежде.

– О покойниках либо хорошо, либо никак, – пробурчала она.

– Это понятно. Но все же? Я знаю, что на учете она не состояла. Но разве может абсолютно здоровый человек, без проблем по этой части совершить самоубийство?

Моя собеседница вновь усмехнулась, потом печально вздохнула:

– А кто же из нас без проблем? Я вот оккупацию пережила. Хлеб из придорожной травы ела. Шесть лет мне тогда было. Разве это могло пройти без следа? А Яночка с Дашей? Смерть отца в детском возрасте видели, мать похоронили. Это могло не тронуть?

– Сильно это на них отразилось?

Моя собеседница вновь вздохнула, посмотрела на двор, залитый теплыми солнечными лучами. Продолжила с заметной грустью в голосе:

– Когда про отца известно стало, Дашка выросла сразу. За одну ночь переменилась – мы все ахнули, когда наутро она с матерью на улицу вышла. А Яна плакала много. Она и до того много плакала. Отец ее утешал. А тут утешить некому было.

Старушка замолчала, провела рукой по глазам.

– Красивая была девчонка. Яркая такая, заметная, эффектная. Парни на нее заглядывались, но общаться с ними у Яны не получалось. Говорили, что слишком уж она рисуется. Мол, актрису из себя голливудскую корчит, а сама, хоть и красива, но и на наших подмостках играть не возьмут.

– На показ многое, значит, делала.

– Ну, многое или нет – это уж я не знаю ... – старушка вздохнула: – Да что ты меня спрашиваешь? Ты к Дашке зайди. Она тебе из первых уст все расскажет.

– А не откажет? Ей наша журналистская братия надоела, наверное, еще десять лет назад.

– Если дурного про Яну говорить и писать не будешь, не откажет.

* * *

Дарья Баум открыла дверь сама. Лицом на Яну она была мало похожа – я отметил это еще в дни той шумихи. За прошедшее время непохожесть стала совсем очевидной. Дарья была копией своей матери, в то время как ее сестра – отца. А вот фигуры у девушек были на зависть сплетницам. И свои формы Дарья сумела сохранить.

– Добрый день! Вы по поводу квартиры? – приветливо улыбнулась она.

Тщательно подбирая слова, я озвучил причину своего визита. Про свои подозрения относительно смерти Яны ничего не сказал. Если Дарья была замешана в этом, она бы вряд ли стала со мной разговаривать.

– Нехорошо ворошить прошлое, – заметила девушка.

Пришлось соврать, что я не по собственной воле, что мне поручено редактором.

– Ладно. Проходите.

Пока я разувался, из ближайшей комнаты в коридор вышел мужчина средних лет в рубашке и брюках явно не российского пошива. Остановившись возле комода, он с подозрением взглянул на меня, потом обратился к Дарье:

– Was ist los?¹

– Все в порядке. Это журналист. Пишет статью про Яну, – успокоила его хозяйка квартиры.

– Oh mein Gott!² Им до сих пор не надоело? – возмутился мужчина.

Дарья погладила его по спине и мягко подтолкнула в сторону кухни.

– Сделай нам чаю, пожалуйста.

Мужчина вновь пробормотал что-то на немецком, но просьбу выполнять отправился.

– Это мой муж Генрих, – заочно представила его Дарья.

– Он говорит почти совсем без акцента, – заметил я.

– Да. Мы дома разговариваем на русском. Сыну полезно знать еще один язык. Да и мне так комфортнее.

Мы прошли в гостиную. Судя по отличному состоянию комнаты, именно это помещение закрывалось на замок, когда хозяйка квартиры уезжала из страны. Насколько запомнил я обстановку по фото и видео, за минувшие годы здесь ничего не поменялось. Только всяких мелочей на открытых полках стало меньше: уезжая, Дарья забрала с собой стату-

¹ Что случилось? – нем.

² О, Боже мой! – нем.

этски, фотографии и прочие безделушки.

– Эта комната была вашей? – уточнил я.

– Да. Комнату Яны, к сожалению, я не смогу вам показать. Она неплохо держалась все годы, но последние жильцы не оставили там ни одного целого предмета. Устроили по пьяни драку, так что участковый мне в Германию звонил. Собственно, именно из-за этого и пришлось приехать раньше, чем планировали.

Мы расположились на диване. Я специально сел спиной к окну, чтобы видеть лицо своей собеседницы.

– Расскажите мне о вашей сестре. Что за человеком она была?

Дарья пожала плечами.

– Красивая, временами взбалмошная, умеющая обратить на себя внимание, – обронила она. Даже спустя столько лет вспоминать сестру девушке было непросто. – Честно говоря, не знаю, что может вас заинтересовать.

– Вы были в курсе ее личной жизни?

– Что вы имеете в виду? – нахмурилась Баум.

– Ну, вы знали, что она встречается с Дмитрием Роговым?

– Ах, это! – девушка сцепила на груди руки, невольно демонстрируя, что не имеет большого желания вспоминать об этом. Но все же заговорила: – Не любила она его никогда. Не могла любить – она Димку совсем не знала. Нафантазировала себе невесть что после пары моих рассказов. А если бы поближе с ним пообщалась, так сразу бы поняла, что не ее

это человек. Были у него черты, которые Янку бы взбесили.

Не в силах усидеть на месте, Дарья встала и принялась мерить шагами комнату.

– Янка – она идеалисткой была. Полутонов не допускала.

– Так они, получается, не встречались? А как же то, что они в день смерти Рогова поругались?

Дарья остановилась, бросила на меня исподлобья осуждающий взгляд.

– Одному Богу известно, о чем они говорили. Так что если вы не Бог, я бы попросила вас не упоминать об этом в вашей статье.

Я кивнул. Богом я не был, да и не так уж меня интересовали отношения Яны и Дмитрия. Особенно, если никаких отношений не было.

– И все же после смерти Рогова ваша сестра изменилась. У нее началась депрессия?

– У нее была хроническая депрессия, – заявил Генрих, вошедший в комнату с двумя чашками чая.

Дарья попыталась одернуть его, но немец продолжил:

– Ей не нравилось все, что происходило вокруг нее. Ну, разумеется, кроме того, что происходило с ней лично. Она требовала слишком много внимания к себе!

Дарья ухватила мужа за рукав, вынуждая обратить на себя внимание.

– Ты ее не знал. Не надо говорить плохого.

– Но ты же сама говорила...

Не договорив, Генрих обиженно поджал губы. Видя, что ему совсем не рады, он отошел в угол и простоял там молча до окончания нашего разговора.

– Временами с ней действительно было очень сложно. Такой уж характер, – потупив взгляд, пояснила Дарья.

– Вы часто ругались с ней?

– Ругались? – как будто искренне удивилась Дарья. – Нет, мы скорее спорили. Особенно поначалу. Я не настолько старше ее, чтобы она моментально меня слушалась.

– А в день своей смерти как вела себя Яна? Что-нибудь странное было в ее поведении?

Дарья пожала плечами.

– Разве только то, что она выдумала, будто хотела покончить с собой на том мосту, где ее потом нашли. Говорила, что уже стояла на краю бездны, но какой-то мальчишка остановил ее.

Я почувствовал, что сердце в моей груди забилось чаще. Получается, кто-то знал о нашей с Подорожной встрече на мосту и точно так же, как и я, утаил эту информацию от следствия. И этот кто-то – старшая сестра погибшей.

– А это, действительно, произошло? – подал я голос.

– Нет, конечно, – отмахнулась Дарья. – Янка вечно выдумывала всякие глупости.

– Вы из-за этого поругались с ней той ночью?

Дарья замешкалась на миг, но потом подтвердила предположение кивком.

Получается, это неверие и стало толчком к повторению попытки самоубийства? Яна Подорожная обиделась на сестру и... И это, в самом деле, было самоубийство, которое намеренно никто не вызывал?

Задав еще несколько вопросов, чтобы последний ответ Дарьи не выглядел главным во всем разговоре, я минут через пять вышел из квартиры. Внизу хлопнула входная дверь, послышались уверенные шаги на лестнице.

– Здравствуйте, – растерянно проговорил я, когда на нижней ступени пролета увидел Марка Ивановича.

– Добрый день, – кивнул он мне в ответ.

Он продолжил подъем по лестнице. Я приступил к спуску. Дойдя до входной двери, я распахнул ее, потом посильнее хлопнул, чтобы создать иллюзию того, что вышел на улицу. Сам же вернулся внутрь подъезда и затаился.

Как и предполагал, вскоре я услышал осторожные шаги. Судмедэксперт остановился на площадке второго этажа, огляделся, прислушался, после чего позвонил в дверь квартиры Подорожных.

– Марк! – прозвучал радостный голос Дарьи.

– Тише! Журналист к тебе приходил?

– Да...

Получив ответ, Марк Иванович втолкнул девушку в квартиру и поспешно закрыл дверь.

– А если это было самоубийство, к которому никто не причастен, то к чему такое поведение? – прошептал я. – И по-

чему мнения Генриха и Дарьи о Яне так сильно расходятся? Не мог же он настолько «не знать» сестру жены?

Прикусив в задумчивости губу, я отправился домой.

* * *

Я вновь достал со шкафа папку со всеми материалами. Разложил бумаги прямо на полу. Мать, заглянувшая в комнату, удивилась, что я опять интересуюсь старыми газетными статьями. Но спрашивать про них ничего не стала. Поинтересовалась только, планирую ли я сегодня ужинать. Машинально кивнув, я попросил ее закрыть дверь и принялся изучать документы.

То, что в смерть Яны Подорожной была криминальной, больше не вызывало у меня сомнений. А после сцены, случайным свидетелем которой я стал в подъезде Дарьи, у меня ко всему прочему появилась твердая уверенность в том, что девушку убили. Доведение до самоубийства спустя столько лет доказать было практически невозможно. Такие дела, насколько я знал, вообще редко когда удавалось довести до суда. Как правило, не хватало улик. Так что фигуранты могли бы не опасаться моих изысканий. Тем более, спустя столько лет.

Не зная, с чего начать и что конкретно хотел я найти в многочисленных вырезках, я принялся просматривать все статьи в хронологическом порядке. «Трагическая гибель»,

«Сестра осталась круглой сиротой», «Невнимание – ключ к смерти». Мои коллеги не скупилась на оригинальные заголовки.

– А это что такое? – вслух спросил я, заметив в одной из статей фотографию всей семьи Подорожных.

Фотография, как гласила подпись, была из личного архива семьи. Папа, мама и две маленькие девочки сидели в обнимку на диване. Улыбались. Но, разумеется, не эта счастливое семейство привлекло мое внимание.

Снимок был сделан в той комнате, которую позднее Дарья взяла себе. Мебель в комнате была та же, только рядом с диваном стоял комод. Тот самый, который я видел сегодня в коридоре квартиры. А на комодe помимо пары статуэток клоунов стояли журналы. И подпирали эти журналы половинки носорога как две капли воды похожие на те, что не так давно привлекли мое внимание в кабинете Марка Ивановича. Нахмурившись, я принялся искать другие фотографии комнаты, благо каждый автор считал своим долгом сфотографировать безутешную родственницу на фоне жалкого интерьера.

Через пару статей мне попался, наконец, кадр с нужного ракурса. Спустя некоторое время после самоубийства Яны, комод все еще стоял на своем месте, только журналов на нем больше не было.

– А подставку, стало быть, подарила одноклассница... – прошептал я.

Собрав газетные вырезки, я с удвоенным вниманием стал изучать свои распечатки. Если я стопку книг не приметил, то мог пропустить и еще что-нибудь важное.

– Вот тебе и на... – вновь вслух проговорил я, изучая распечатку звонков.

Ее приобщили к делу, как доказательство того, что Яна Подорожная перед смертью звонила сестре попрощаться. Звонок длительностью около минуты был совершен в 01:24. Учитывая, что девушку на мосту я встретил до полуночи, между попыткой самоубийства и смертью прошло приблизительно полтора часа. И самое интересное, что в течение этих полутора часов сама Дарья звонила на некий городской номер. В 00:37.

Достав из кармана свой «рабочий» мобильник, я без промедления набрал указанный номер. Я уже догадался, кому звонила девушка. Однако проверить не мешало.

После двух гудков в трубке раздался хриловатый голос:

– Алле? Говорите громче, я плохо слышу!

– Марка мне надо! – сообщил я.

– Минуту...

Дождаться ответа судмедэксперта я, конечно же, не стал. Сбросив звонок, я несколько минут просидел в тишине, раздумывая над своими дальнейшими действиями. Потом собрал те материалы, которые имели отношение к делу, сложил их в папку и вновь позвонил.

– Дарья? Это Павел – журналист, который сегодня прихо-

дил к вам.

– Что вам надо? – прозвучал грубый ответ. Мне показалось, Баум едва сдержалась, чтобы не спросить, сколько денег я хочу за свое молчание.

– Давайте встретимся часов, скажем, в восемь на том мосту, где умерла ваша сестра. Я хочу вам кое-что рассказать, – стараясь говорить как можно спокойнее и доброжелательнее, предложил я.

* * *

Четырнадцать минут девятого. Солнце уже опустилось к горизонту, так что воды речушки невольно приобрели красноватый оттенок. Я все еще стоял на мосту, ожидая девушку, которую пригласил на встречу. Но уверенности в том, что она придет, у меня уже совсем не осталось.

Да и зачем ей было приходиться? Она точно понимала, что полиция не сможет ее арестовать: не было никаких фактических улик, лишь мои наблюдения и домыслы. Что же до пересудов... Ей – гражданке Германии – вряд ли могло быть до них дело.

– Павел? – я вздрогнул, услышав мужской голос у себя за спиной. Людей вокруг не было, я стоял возле самых перил, а Генрих обладал не дюжей силой, насколько я мог судить по его комплекции.

Я обернулся.

Нападать на меня немец явно не собирался. Да и пришел он не один. Дарья пугливо стояла позади него, словно стыдясь посмотреть мне в глаза.

– Зачем вы назначили встречу моей жене? – поинтересовался Генрих.

– Чтобы рассказать ей правду о смерти ее сестры.

– Чтобы шантажировать ее?

Я отрицательно качнул головой. Мой ответ, кажется, удивил его. Помявшись немного, иностранец обронил:

– Говорите.

– А вы уверены, Дарья, что вашему мужу стоит присутствовать при этом разговоре.

Девушка быстро посмотрела на меня, но тут же уткнулась в рукав пиджака мужа.

– У меня больше нет сил молчать, но и рассказать ему все я не могу, – сквозь всхлипывания расслышал я.

– Что ж, значит, это мое наказание за то, что столько лет скрывал правду.

Дарья перестала всхлипывать и вновь посмотрела на меня. На этот раз с недоверием.

– Ваша сестра в ту ночь действительно пыталась покончить с собой. На этом самом мосту. И мальчик действительно помешал ей сделать это. Я точно это знаю, потому что я – тот мальчик.

– Она не выдумывала тогда?..

– Нет.

Дарья побледнела, вцепилась в мужа, доставляя ему заметную боль. Но Генрих лишь приобнял жену, давая понять, что она может рассчитывать на его поддержку.

Я продолжил рассказ:

– Вы не поверили ей. Разозлились. Яна вспыхнула в ответ. Я уверен, вы не желали ей плохого. Случайно толкнули, так что она налетела на комод и ударилась головой о подставку для книг. Упала. Она дышала, но вы все равно испугались. Подумали, что если вызовете скорую, вам придется отвечать по всей строгости закона. А вы ведь были беременны.

Дарья кивнула.

– Но и не оказать сестре помощи вы не могли. Тогда вы позвонили старому школьному другу, который к тому же имел отношение к медицине.

– Когда Марк приехал, Яна уже была мертва, – всхлипывая, продолжила Дарья. – Я перепугалась еще сильнее, мне стало плохо: заболел живот. Марк дал мне какую-то таблетку. Потребовал, чтобы я взяла себя в руки. Пообещал, что устроит все так, что никто не заподозрит меня в убийстве. Он перенес Яну в кухню, положил на пакет, чтобы на полу не осталось крови. Промыл комод, собрал журналы. Подставку для книг он тоже хотел выкинуть. Сказал, что если ее увидит следователь, то это может породить сомнения. Я не позволила выбросить. Это была память об отце и о деде. Он сказал, что это память об убийстве, и я не смогу ее воспринимать иначе. Я все равно была против. У меня снова прихватило

живот. И тогда он пообещал, что отмоет подставку и возьмет на работу.

– Ведь там вы не бываете. Да и никому не придет в голову искать улику в кабинете судмедэксперта, – закончил я.

Девушка кивнула. Отерла с лица слезы, продолжая стоять лишь благодаря поддержке супруга. Генрих смотрел на нее с жалостью. Ни упрека, ни осуждения.

– Я не хотела ее убивать. Даже когда она совсем доставала меня своими выходками, я не желала ей смерти. Я надеюсь, что она простит меня.

Я сглотнул неприятный комок в горле. Пришел момент самой неприятной части нашего разговора.

– Вашей сестре не за что вас прощать, Дарья, – проговорил я. – Вы не убивали ее. Яна погибла здесь. Упав с этого моста на лед, сковавший реку.

– То есть как это? – озвучил их общее непонимание Генрих.

– Я хорошо помню то утро, когда здесь работала следственная группа. Я шел в школу, но, разумеется, остановился, увидев милицейское оцепление. Яна лежала на снегу на спине. У нее были многочисленные переломы, судя по положению тела. А вокруг головы растеклась огромная лужа крови. Так много крови могло натечь только из свежей раны еще живого человека. Да и милиционеры обратили бы внимание, если бы крови вокруг разбитой головы было мало, так что не считайте мой вывод основанным на детском преувеличении.

Таким образом, она совершенно точно была еще жива, когда ее скинули с этого моста.

Дарья решительно замотала головой.

– Этого не может быть. Марк сказал...

Девушка побледнела, понимая, какой вывод напрашивается сам собой.

– Марк соврал вам. И убил вашу сестру, – озвучил я чудовищную правду.

Она вскрикнула. Залилась слезами, как и прежде продолжая оставаться на ногах лишь благодаря поддержке мужа.

– Но почему? Зачем?

Дарья вздрогнула вновь, перестав всхлипывать и устремив взгляд вдаль через мое плечо. Догадываясь, кто стоит там, я повернул голову.

– Потому что она Яна была обузой для вас, – проговорил я, обращаясь к Дарье, но не сводя при этом с Марка пристального взгляда. – Она словно вампир выпивала из вас все соки, отнимала у вас все время и силы. После смерти отца, души в ней не чаявшего, ей остро не хватало внимания. Вы же – по природе своей человек очень добрый и отзывчивый – не могли ей отказать ни в чем. Да, кричали на нее, ругали. Но так ведь поступают порой все матери, желающие счастья своим детям?

Я замолчал, и тогда слово взял Марк.

– А потом Дашка ко мне приходила и часами рыдала, – сквозь зубы процедил Марк. – У нее из-за Яны никакой лич-

ной жизни не было. Янка требовала, чтобы сестра только с ней возилась. Она когда про свадьбу услышала, посерела вся от страха. Димка ведь сразу заявил, что жить с другими родственниками, кроме жены и детей не будет. То есть Янка бы совсем без опеки осталась. Вот она и попыталась свадьбу расстроить. Выдумала, что сама влюблена, стала Дашу уговаривать уступить ей жениха.

– Марк, не надо...

– Нет, надо! Пора уже признать, пора раскрыть глаза на то, кем была твоя неблагодарная сестренка. Она ведь никого, кроме себя, вокруг не замечала. Даже не пыталась понять, что ты чувствуешь... Что ты тоже что-то чувствуешь!

Марк смачно сплюнул на землю, выругался, после чего продолжил:

– Когда Рогов помер, Янка успокоилась немного. Стала играть роль несчастной влюбленной. Ее жалели. Ей нравилось. Но Даше посчастливилось встретить Генриха. Я познакомил их. И сразу понял, что это знакомство перерастет во что-то большее. Если, конечно, Янка не помешает.

Судмедэксперт вздохнул.

– Я понимал, что Даша будет плакать. Но упустить такого случая не мог. Сил больше не было видеть, ее слезы, видеть, как ее жизнь катится псу под хвост! Младшей сестры было слишком много. Для старшей уже почти не оставалось места.

Он замолчал, видимо не считая нужным продолжать. Я же молчать не мог. Наверное, отчасти во мне играла гор-

досье за себя. Ведь я сумел раскрыть дело, которое не раскрыл опытный милицейский следователь. Но с другой стороны мне просто хотелось завершить дело раз и навсегда, не оставив в этой истории белых пятен.

– От Дарьи вы узнали про попытку Яны покончить с собой на этом мосту. Привезли сюда Подорожную-младшую и максимально осторожно скинули вниз. Вы знали, как сделать это, чтобы милиционеры при беглом осмотре не заметили посторонней помощи. Что же до расследования?.. Дарья не была заинтересована в нем, потому что считала виновной себя. Следователя вы легко ввели в заблуждение, предоставив протокол вскрытия «классического» самоубийцы. Так что дело очень быстро прикрыли.

Помолчав немного, мужчина прошептал:

– Я хотел, как лучше...

– Лучше? Марк, ты убил мою сестру! – закричала Даша. Она хотела наброситься на него, но Генрих удержал супругу.

– Вы чудовище, Марк, – прорычал он с презрением.

– Так уж получается, что кто-то должен был сыграть эту роль. Ради твоего будущего, Даша.

– Вы любили Дарью? – хриплым от напряжения голосом спросил я.

– А разве только возлюбленным можно желать счастья? – обронил Марк в ответ.

Солнце уже закатилось. Взглянув на алеющее на западе небо, мужчина молча развернулся и побрел прочь. Смотря

на его опущенные плечи, прислушиваясь к рыданиям Дарьи Баум и тихому бормотанию ее мужа-иностранца, я почувствовал себя подлецом. После стольких лет молчания, зачем я взялся за расследования этого дела? Кому от правды стало лучше?

С трудом сглотнув вновь образовавшийся в горле комок, я подошел к Генриху и Дарье. Протянул бумаги, которые могли пригодиться мне для написания статьи. Никакую статью, разумеется, я писать уже не собирался.

– Простите, – прошептал я.

Дарья посмотрела на меня: красное лицо, опухшие от слез глаза, дрожащие губы. Трясущейся рукой взяла документы.

– Прощайте, – прошептал я.

Уже спустившись с моста, я обернулся, надеясь увидеть, что Генрих уводит супругу прочь. Однако они никуда не шли. Дарья и Генрих стояли возле перил. Обнявшись.

А над покрытой рябью водой реки танцевали свой последний танец белые бумажные птицы.

Английский сувенир

Звонок будильника, остывший кофе, переполненный автобус, кипа документов на рабочем столе, просьба потрудиться допоздна на благо родной конторы...

День выдался на редкость скучным и нервным. Именно таким, какие бывают в конце календарного года, когда срочно нужны отчеты, сведенные дебет с кредитами, утвержденные планы на год предстоящий. В такие дни мои коллеги не вылезают из-за своих столов, не отрывают взглядов от мониторов, не ходят на обед, в лучшем случае ограничиваясь каким-нибудь бургером из забегаловки на первом этаже. И кажется, никто даже не подозревает, что вот-вот наступит самая волшебная ночь в году!

А ведь город уже подготовился к празднику. Уже мерцают тысячи огней на улицах, уже стоят на площадях нарядные зеленые красавицы. В витринах магазинов уже появились заветные обещания самых низких цен и самых больших скидок. Везде шарики, мишура. И даже пустынные парки выглядят как-то особенно в свете вечерних фонарей, укутанные мягким и легким снежным покрывалом.

Я люблю бродить по дорожкам зимних парков. Особенно, когда идет снег. Только не мокрый и не мелкий. Люблю смотреть, как плавно опускаются на землю крупные пушистые хлопья. Такие, как сейчас.

Вот только времени дойти до парка сегодня у меня нет. Не найдется и в ближайшие пару дней, оставшихся до Нового года. Поэтому все, что мне остается – это наслаждаться короткой прогулкой по шумной улице под снегопадом до метро.

Звонок мобильного телефона оторвал меня от мысленного составления очередного отчета где-то на полпути. Выудив телефон из кармана, я с удивлением обнаружила, что пообщаться со мной хочет вовсе не шеф.

– Деда, привет! – радостно ответила я, хотя в глубине души уже зародилось предчувствие чего-то нехорошего. Дед мой, Валерий Матвеевич, отчего-то всегда страшно боялся помешать мне и никогда не звонил первым без особой надобности.

– Катенька, здравствуй, – раздался в трубке мягкий с едва уловимой хрипотцой голос. – Как поживаешь?

– С работы возвращаюсь.

– Так ведь уже десятый час, – забеспокоился Валерий Матвеевич.

– Пришлось задержаться.

– Вот ведь руководители пошли. В наше время такого не допускали! Всю работу в срок сдавали...

– Дедушка, ты что хотел? – прервала я до последней буквы знакомый монолог. – Мне сейчас не очень удобно говорить. Может, я тебе из дома перезвоню? Через полчаса?

– Понимаешь ли, Катюш... – интонации Валерия Матве-

евича вдруг резко изменились. Я совершенно точно уловила беспокойство и огорчение, отчего мои собственные дурные предчувствия стали сильнее.

– Ты заболел? – поспешила спросить я.

– Нет, нет. Сердце покалывает чуток, но дело не в этом. Обокрали меня... – голос дрогнул. – Феньку украли.

Я замерла на месте. Вот как наступила в лужу на посыпанном реагентами тротуаре, так и осталась стоять в ней, пытаюсь подобрать слова утешения. Трехлетний кобель породы вельш-корги пемброк – такой забавный коротконогий родственник овчарки, игривый и ласковый – Фенька был главной любовью жизни дедушки. Сразу после моей бабушки и совсем немного перед коллекционированием елочных игрушек.

Щенка подарил деду его давний друг. «Породистый английский сувенир, с хорошей родословной» – представил тогда неуклюжее создание дядя Витя. Валерий Матвеевич, конечно, брать собаку в дом не хотел, говорил, что хлопот с ней будет много. Но потом согласился: ведь точно такие же коротконогие собачонки живут у самой английской королевы!

Первое время действительно было тяжело. Дедушка мой никогда животных в доме не держал. А потом они с Фенькой притерлись друг к другу, прижились. С удовольствием стали вместе гулять. Валерий Матвеевич обучил собаку командам не без моей помощи и содействия интернета и с гордостью стал демонстрировать собачникам во дворе, как Фенька слу-

шается его.

Пару раз Феньку не без успеха водили на выставки. Но это дело дед быстро забросил. Сам он мало что понимал в ценности своего питомца. Он для души и компании его держал. Поэтому Валерию Матвеевичу совсем не понравился интерес заводчиков к Феньке. В тонкостях правил вязки и параметрах стандарта породы он не разбирался и разбираться не собирался.

– Так, может, он просто убежал? Потерялся? Заигрался с какой-нибудь собакой и... – предположила я.

– Да, в том-то и дело, что Феньку из дома выкрали! Прямо из квартиры! Представляешь, я из магазина возвращаюсь, а дверь открыта. И Феньки нет...

– А больше ничего не украли? – забеспокоилась я. Мне было сложно представить, чтобы квартиру вскрыли только из-за собаки. А вот забрать Феньку как ненужного свидетеля вполне могли. И тогда за здоровье и жизнь собачонки стоило всерьез волноваться.

– Нет. Ничего. Я полиции так и сказал: все из-за собаки. Он ведь у меня породистый.

– Так ты вызвал полицию?

– Да. С час тут ковырялись, отпечатки какие-то сняли, сфотографировали все. Только не будут они Феньку искать, – едва сдерживая слезы, добавил дед. – Не той стоимости это имущество, чтобы на розыски его силы тратить. Ка-тя, ты представляешь!? – грусть в голосе сменилась возму-

щением. – Оказывается, мой Фенечка – это всего лишь имущество!

– Ты не расстраивайся. Я сейчас приеду.

– Не надо. С утра уж...

– Мне все равно куда ехать. По времени ведь одинаково.

На том и договорились. И я, наконец, заметила, что стою в луже.

– Вот черт!

Я спешно отпрыгнула в сторону, затопала ногами, но уже без толку: ботинки мои промокли насквозь.

* * *

Через полчаса, как и обещала, я стояла перед дверью в дедушкину квартиру. К моему удивлению, дверь и замки в ней выглядели целыми и невредимыми. Я полезла было в сумку за ключами, но передумала. Скорее всего, дедушка вызвал ремонтника из ЖЭКа и в дверь уже вставили новый замок. Нажала кнопку звонка.

Валерий Матвеевич открыл почти сразу. И вот это обстоятельство ни капельки не удивило. Привычку высматривать меня, идущую через двор, дед перенял от бабушки еще много лет назад.

– Катюша! Проходи, проходи.

Мой визит обрадовал старика, и улыбка его была совершенно искренней. Но скрыть всю боль и отчаяние за этой

улыбкой было невозможно, как дед ни старался. В уголках глаз еще виднелись слезинки, морщинистое лицо имело неприятный сероватый оттенок. Дед заметно горбился, будто постигшая беда сломала его.

– Ой, сколько на тебе снега! Что же ты не скинула вниз?

Дед взял мой пуховик и с силой встряхнул. На пол полетели многочисленные капли. Пока я вынимала ноги из лужи, образовавшейся в моих ботинках, и спешно стягивала прилипшие к холодным ногам носки, он достал плечики и повесил куртку сушиться. Улучив момент, я затолкала мокрые носки в ботинки и спешно сунула ноги в приготовленные тапочки. Не хотелось расстраивать деда своим безответственным отношением к собственному здоровью.

– Проходи на кухню. Я макароны с тушенкой пожарил.

Я охотно приступила к выполнению его указания. Прошаркала по длинному коридору мимо гостиной и спальни деда в сторону кухни, завернула в ванную помыть руки.

Ужин ждал меня на плите. Доставать тарелку было лень. Выудив из ящика вилку, уселась за стол прямо с чугунной сковородой. Кроме горячего мне досталась половинка огурца и кусок черного хлеба. С жадностью набросилась на еду: кроме кофе с утра я успела выпить за день лишь пару чашек чая с пряниками.

– Менять тебе работу надо, – проворчал Валерий Матвеевич, наблюдая за мной.

– Не надо. Это только под конец года так. Зато платят нор-

мальноно, – жуя, отозвалась я.

Будь на месте деда бабушка, она бы непременно добавила, что я только о карьере думаю, а надо еще и о личной жизни. Дедушка же только вздохнул. Уселся напротив меня впол-оборота к столу, облокотился и принялся рассказывать:

– В магазин я собрался. И ведь не надо ничего было. Хлеба только свежего. Мог бы и с Фенькой прогуляться. Но почему-то решил, что лучше ему дома посидеть. Мы же с утра уже гуляли. Вот и пошел один. Прихожу обратно, к двери подхожу, ключ вставляю, а он не поворачивается. Ручку дергаю – открыто.

– Так, может, ты сам забыл закрыть, а Фенька просто из квартиры выбежал?

– Не мог я забыть! – обиженно произнес дед. – Я всегда проверяю, уходя: сперва ключ поверну, потом ручку дерну.

– Может, отвлек кто?

– Не было никого. Только у подъезда Светлана из тридцатой квартиры сидела.

– С шестого этажа? – уточнила я.

– Она самая... В общем, вошел я в квартиру. Феньки нет. Больше ничего не тронут: все вещи на своих местах.

– А что полицейские сказали?

Дед покосился на входную дверь едва различимую в противоположном конце темного коридора.

– Кто бы ни похитил Феньку, дверь он открыл родным ключом. И с собакой прежде общался, потому что Феньки-

ного лая никто не слышал.

– Они и соседей опросили?

– А как же? И со Светланой поговорили. Только она ничего подозрительного не видела. Говорит, что после того, как со мной поздоровалась, сразу пошла домой.

Закончив уминать макароны с огурцом, я быстро сунула в рот остатки хлеба и встала налить себе чаю.

– Возьми чего-нибудь сладенького, – предложил дедушка, кивнув на ящик, в котором обычно хранил печенье.

– Не хочу. Не лезет больше в меня еда, – призналась я.

Залпом осушив чашку еле теплого чая, я быстро помыла за собой посуду и предложила деду пройти в комнату. Время было уже позднее, день выдался тяжелый. И хотя мой старик делал вид, что еще полон сил, я видела, что он медленно, но верно засыпает.

Войдя в спальню, дедушка первым делом взглянул на лежанку Феньки. Конечно, он понимал, что собаки не увидит, но привычка взяла верх. Я и сама невольно взглянула на стеганую подстилку, заботливо уложенную в низкую плетеную корзину.

– Найдется наш Фенька, – прошептала я, поглаживая деда по плечу. – Ты спать ложись. Утро вечера мудренее. Может, не украли его? Может, он просто на лестницу выбежал? К утру проголодается и вернется.

– А если не вернется?

Я помогла деду разобрать кровать, недолго посидела с

ним, слушая упреки в адрес моей работы и благодарность за то, что смогла найти силы и приехать.

– Ой, Катюш! – вдруг спохватился дедушка. – Совсем забыл сказать: там, в гостиной елка на полу. Видно Фенька от бандитов убежал и завалил ее. Игрушки разбились, осколков много. Я убрать не успел.

Забывчивость деда не удивила меня. После известия о пропаже Феньки я тоже мало о чем другом могла думать.

– Я приберу...

– Нет, нет! Я сам. Там же коллекция! Их выкидывать нельзя. Я все склею потом.

– Ладно. Я аккуратно обойду.

Пожелав деду спокойной ночи, я тихо вышла из спальни и вновь направилась на кухню. После слишком сытного ужина захотелось выпить еще немного чая.

Воду для напитка на этот раз я погрела достаточно, чтобы можно было удобно расположиться возле окна и несколько минут понаблюдать за происходящим на улице. С чашкой и уверенностью, что в темном коридоре я не обо что не споткнусь, я прошла в гостиную. Включила свет, чтобы оценить масштаб трагедии, постигшей елку.

Выглядело все не так уж и страшно. Да, елка – дед уважал только натуральные деревья – лежала на боку по диагонали от угла возле окна до дивана у противоположной стены. Да, под колючими ветками были заметны осколки. Но поскольку упало дерево на ковер, разбитые игрушки можно было пере-

считать по пальцам одной руки.

Пройдя к окну и поставив чашку на подоконник, я присела на корточки. Осторожно, чтобы не порезаться, подняла один из осколков. Это была голова принца Лимона из набора игрушек-прищепок «Чиполлино». Дед всегда украшал елку только игрушками из своей коллекции. Современные игрушки он не признавал, утверждая, что у конвейерных стекляшек нет души.

Раньше я не понимала его. Не понимала, почему старые выцветшие елочные украшения он предпочитает новым, ярким и красивым. Но сейчас, сидя на полу возле этой елки и держа в руках фрагмент одной из тех «игрушек с душой», я почувствовала, как внутри все сжимается. И дело было даже не в том, что игрушка стоила денег или нарушалась целостность коллекции.

Благодаря деду я немного разбиралась в елочных украшениях. Потеря принца Лимона не была критичной. Ей легко можно было приобрести замену. Цена вопроса – пара тысяч рублей. Вот только этого принца Лимона, встретившего вместе с нами не один десяток праздников, несмотря на все заверения деда, уже невозможно было вернуть. Словно он не разбился, а был убит.

Я осторожно положила осколок в то место, откуда подняла его. Выключила свет, присела на край подоконника, взяла кружку с чаем и принялась разглядывать белый пейзаж за окном. Хотелось плакать.

На следующее утро я, конечно же, проспала. Вскочила с дивана, быстро натянула джинсы, кофту, собрала жидкие волосы в куцый хвост и выскочила босиком в коридор. Спешно умылась, помчалась одеваться дальше. Времени на завтрак уже не было, но, к счастью, организм и не требовал пищи после вчерашнего плотного ужина.

А вот носки с ботинками мне потребовались. Пусть даже не сухие (сунуть их на батарею я, конечно же, вчера забыла). Однако моей дорогой «лужи» возле входной двери не стояло.

– Это еще как понимать? – прошипела я, заглядывая в обувницу, где так же не обнаружилось моих ботинок.

– На батарее в моей спальне посмотри, – вдруг раздался у меня за спиной ласковый голос.

– Деда! Ты...

– Ночью заметил. Ох, Катерина! Совсем ты о себе не думаешь. Я – не бабушка, конечно, но за мокрую обувь...

Я согласно закивала. Чмокнула деда, пробегая мимо.

– Завтрак я тебе в сумку положил. Сама понимаешь, не каша. Но бутербродов с колбасой сделал...

Чмокнула деда второй раз. Натянула обувь, схватила сумку и скрылась за дверью.

– Я вечером зайду! Будем Феньку искать! – прокричала я, уже стоя одной ногой в лифте.

Лифт пришел так быстро, да и я спешила зайти в него так сильно, что не сразу поняла, кто будет моим попутчиком.

– Вниз? – бросила я, одновременно нажимая кнопку первого этажа. Собственно, при движении вверх лифт на промежуточных этажах не останавливался. Так что мой вопрос не имел смысла.

– Доброе утро, Катерина, – вместо ответа услышала я знакомый женский голос.

Подняв голову, обнаружила, что на меня смотрят две пары внимательных глаз. Одна пара принадлежала Светлане с шестого этажа, вторая – Крохе – шелковистому терьеру, которого эта Светлана (ну, почему я никак не могу вспомнить ее отчество!) держала подмышкой.

– Здрасьте!

Я застегнула куртку, поправила шапку, надела перчатки.

– Опаздываешь?

– Не. От деда бегу. Он меня завтраком грозился накормить, – отшутилась я.

Светлана была высокой и худой женщиной средних лет, предпочитала вещи классического стиля, каштановые волосы всегда собирала в тугий пучок. В общем, не знай я, что работала она на местном почтамте, можно было смело записывать ее в ряды «школьных училок». Тем более что она никогда не упускала возможности чему-нибудь научить своего собеседника. И шуток она не любила. Впрочем, может, у меня просто не было чувства юмора?

– Как жаль, что у Валерия Матвеевича Фабиана украли.

– Кого? – переспросила я, но тут же сообразила, что речь шла о нашем Феньке. Фабианом его никто не звал, кроме моей собеседницы и организаторов выставок. – Да. Но мы непременно найдем его.

Лифт как раз приехал на первый этаж. Я решила, что разговор окончен, и ускорила шаг. Однако следующая фраза Светланы вынудила меня притормозить:

– А я ведь говорила Валерию Матвеевичу, что надо поменять замки. Потеря ключей – не шутки!

– Разве дедушка терял ключи?

– Пару недель назад. Я их возле подъезда нашла. Он решил, что выронил случайно.

– Вот как? А мне он ничего не рассказывал.

– Наверное, расстраивать не хотел.

Вот уж новость, так новость. Кажется, потеря ключей в преддверии Нового года становится дурной традицией. В прошлом году дедушка сунул их куда-то придя из магазина, да так и не нашел потом.

Зато теперь неудивительно, что дверь не взломали. Преступник стащил у деда ключи, сделал копию, потом вернул, подбросив к подъезду. Или...

Внезапно пришедшая в голову мысль оказалась совсем неприятной. Но после того как я подумала, что преступник мог сделать вид, что нашел ключи, уже невозможно было думать иначе.

А что? Светлана неплохо подходила на роль похитителя Феньки. Она была отлично знакома с собакой: дед частенько выгуливал Феньку в ее компании и компании Крохи. Так что Светлана могла легко увести корги из квартиры. Кроме того, Кроха также была породистой выставочной собакой, и ее хозяйка неплохо разбиралась в особенностях пород и том, сколько можно заработать на кобеле с прекрасной родословной.

Тем временем мы вышли на улицу. После вчерашнего снегопада дорожки во дворе еще не успели почистить, зато успели протоптать. Невольно вспомнилось, как бабушка с бабушкой в детстве вот по таким же дорожкам катали меня на санках. И легкий морозец точно также щипал за щеки. И на душе сразу становилось так же спокойно, и никуда не хотелось спешить.

Я выудила из кармана телефон, взглянула на цифры на экране. На работу я уже опоздала настолько, что и сейчас уже можно было никуда не спешить.

– Как думаете, сколько можно выручить за нашего Феньку? – спросила я.

Светлана пожала плечами. Несколько секунд она потратила на то, чтобы поставить Кроху на землю. Но собачонка напроць отказывалась касаться снега. Вздохнув, женщина взяла ее подмышку как прежде.

– Фабиан – отличный пес. Лауреат выставок. В самом расцвете сил. Не думаю, что его украли ради продажи. За взрос-

люю собаку его породы много денег не выручить. А вот для вязки его сдавать можно. Только не через клуб: ни один уважающий себя клуб не станет участвовать в подобной сделке. Ну, а сколько попросить за вязку – это уже по ситуации. Сразу «на руки» можно тысяч двадцать пять потребовать.

– Долларов?

– Рублей, конечно, – снисходительно улыбнулась Светлана. – А можно по факту щенка взять – это уже тысяч шестьдесят-семьдесят можно после продажи выручить.

Суммы выглядели совсем небольшими. Но если подумать, что таких вязок для кобеля можно устроить сколько душе угодно...

Я украдкой посмотрела на собеседницу. Не слишком ли хорошо она разбиралась в стоимости собак и щенков вельш-корги пемброк? По выражению лица было сложно что-то понять. Но совершенно точно сочувствия в глазах Светланы было не больше, чем любопытства.

В конце концов, отговорившись тем, что мне пора бежать, я оставила женщину вместе с ее собачонкой у подъезда и быстрыми шагами пересекла двор. Дойдя до соседнего дома, обернулась. Светлана вновь пыталась поставить Кроху на снег. Результат был тот же, что и раньше.

Вдруг у Светланы зазвонил телефон. С такого расстояния я, конечно, не могла разобрать слов. Однако поведение дедовой соседки мне совсем не понравилось. Она крепче перехватила Кроху и почти бегом направилась в том же направ-

лении, где стояла я.

Я юркнула за угол дома.

Светлана остановилась. Постояла с минуту. Увидев припаркованный неподалеку автомобиль, направилась к нему.

– Зачем ты привез его сюда? – расслышала я ее гневный голос. – Что значит «куда»?! На дачу, куда же еще!

Я хотела побежать к машине. Ведь совершенно очевидно было, что наш Фенька внутри! Но как назло дорогу мне перегородил автомобиль службы доставки строительного магазина. Обойдя, наконец, препятствие, я увидела, что ни Светланы, ни автомобиля ее сообщника во дворе уже нет.

Что ж, раз на работу я и так бессовестно опоздала, мне оставалось только одно:

– Алло!.. Да, Кирилл Андреевич, это я... Нет, я сегодня совсем не приду... – на подобное заявление мой начальник отреагировал очень бурно. Думаю, даже в соседнем отделе слышали, что он думает обо мне. – У деда квартиру обокрали: я не могу его одного оставить! Хотите – увольняйте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.